

И. С. ДМИТРИЕВ

«А ВСЕ-ТАКИ ОНИ ПИШУТ...»

(процесс над Галилеем в трудах современных
российских интеллектуалов)

Статья содержит критический анализ работы С. В. Девятовой и В. И. Купцова «Судьба учения Н. Коперника» (Вопросы философии. 2011. № 1) и некоторых других отечественных работ, посвященных процессу над Галилеем. Кроме указания на множество фактологических ошибок авторов, в данной статье рассматриваются также причины и характер инквизиционного процесса над Г. Галилеем (1633). Показано, что, в отличие от мнения Девятовой и Купцова, Урбан VIII предал Галилея суду инквизиции не за защиту тосканским ученым теории Коперника как таковой, но за убежденность Галилея в том, что научная теория может претендовать на раскрытие истинных причинно-следственных связей в природе, что, в свою очередь, ставило под удар важнейший атрибут Бога – Его всемогущество.

Ключевые слова: процесс над Галилеем (1633), геоцентризм, гелиоцентризм, Святая Служба, Урбан VIII, Божественное всемогущество.

Люди больше всего любят то, что меньше
всего понимают.

И. Ньютон

«Отрекись, Галилей, отрекись! Им от этого легче будет»¹

Отечественная литература последних 60 лет специальными монографиями, посвященными жизни Галилея вообще и его отношениям с Католической церковью, мягко говоря, небогата. Б. Г. Кузнецов, видимо, написал свою книгу² исключительно для того, чтобы поделиться с читателем общими соображениями о характере физических теорий и в качестве *повода* выбрал жанр научной биографии. Во всяком случае, мне трудно объяснить ту пренебрежительную краткость (19, а реально даже меньше, страниц из 326), которую он себе позволил в *академической* биографии Галилея, когда дело дошло до описания (не анализа!) инквизиционного процесса 1633 г. И цензурные условия советского времени здесь ни при чем. Книга А. Э. Штекли³ написана для

¹ Из песни А. Городницкого (с небольшим изменением).

² Кузнецов Б. Г. Галилей. М., 1964.

³ Штекли А. Э. Галилей. М., 1972 (серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 1 (508)).

широкого круга читателей. Автор прекрасно владеет итальянским языком и значительная часть авторского текста книги представляет собой изложение событий с активным использованием материалов собрания сочинений Галилея, изданного под редакцией А. Фаваро, не говоря уже о том, что кроме итальянского автор владеет и другими европейскими языками и хорошо, даже, я бы сказал, бойко пишет по-русски. Но некоторые его трактовки вызывают возражения, которых было бы много меньше, если бы автор и в книге, и в статьях, написанных уже в сравнительно вегетарианское время ⁴, выказал большее знакомство с современной иностранной литературой о Галилее (не ограничиваясь резкой и не вполне обоснованной критикой неудачно переведенной у нас книги А. Фантоли ⁵), разнообразными источниками о жизни ученого, интеллектуальной, политической и религиозной ситуации в Италии на рубеже XVI–XVII столетий, а главное – проявил бы меньше идеологической предвзятости в духе партпросветлитературы советского времени. Приведу лишь один пример.

Вот как Штекли излагает причины, заставившие комиссара инквизиции В. Макулано, который вел допросы Галилея в 1633 г., провести с ученым неофициальную беседу («внесудебное общение», случай в практике работы инквизиционного трибунала крайне редкий):

Галилей расскажет правду? Признается, что дерзко, обманным путем напечатал ее ⁶, не страшась неминуемой кары? Признается, что провел самого римского первосвященника, когда обещал своей книгой продемонстрировать миру, как мудро поступила церковь, осудив богопротивное учение о движении Земли?

Все это известно и Урбану, и кардиналам Святой Службы. Генеральный комиссарий может заставить Галилея во всем этом признаться. Инквизиция обладает средствами, действующими безотказно. Ну а если свершится немислимое: старик, терзаемый болезнями, вдруг проявит в застенке нечеловеческую выдержку, то и тогда Святой Службе не составит труда уличить его во лжи. Но пусть он даже не станет упорствовать и согласится отречься от пагубного своего учения. Так или иначе, правда об истинных его намерениях раскроется. А дальше что? Извлечет ли из этого церковь пользу, коль скоро объявит: главная вина Галилея в том, что он написал свою книгу для доказательства движения Земли? То есть, несмотря на болезни и старость, вопреки запрету он совершенно сознательно игнорировал провозглашенное церковью решение? Какой же должна была быть его убежденность в правоте Коперника! А ведь Галилей – величайший

⁴ Штекли А. Э. Галилей и публикация его «Диалога» // Человек в культуре Возрождения: сб. ст. / Отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2001. С. 109–122; Штекли А. Э. Кампанелла и процесс Галилея // От Средних веков к Возрождению. Сб. статей в честь профессора Л. М. Брагиной. СПб., 2003. С. 121–131.

⁵ Фантоли А. Галилей: в защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви / Пер. с итал. А. Брагина. М., 1999. См. также замечательный анализ этой книги в статье: Баяк Д. А. Галилей и инквизиция: новые исторические контексты и интерпретации (о книге А. Фантоли «Галилей: в защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви»). М., 1999 // ВИЕТ. 2000. № 4. С. 146–154.

⁶ То есть книгу «Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой» (Г. Галилей. Избранные труды: в 2-х т. М., 1964. Т. 1. С. 97–555).

авторитет в этой области. И он, выходя из, всю жизнь считал, что Земля движется «по природе своей»!

Такой исход дела не мог устроить ни Урбана, ни Святую Службу. Бессмысленно было допрашивать Галилея с пристрастием, вынуждать к признанию, уличать во лжи. Если истина оборачивается против церкви, то какой инквизитор позволит нотарию заносить ее в протокол? Винченцо Макулано видел, что процесс Галилея, едва начавшись, оказался в тупике ⁷.

Таким образом, если верить Штекли, дело было так: Галилей, величайший авторитет в астрономии, убежденный в правоте коперниканского учения, проигнорировал, несмотря на болезни и старость, церковное осуждение этого учения, но публичное признание этого печального факта не могло устроить ни Святую Службу, ни Урбана VIII, ее главу. Однако самое ужасное во всей этой ситуации, как она трактуется Штекли, что ничего с этим Галилеем не поделаешь – только начнешь его допрашивать, как из него тут же лезет истина, немедленно оборачивающаяся против матери Католической церкви. Причем такая истина, которую и в протокол-то не занесешь. Своими правдивыми показаниями он позорит суд. Именно поэтому, по мысли Штекли, процесс зашел в тупик, едва начавшись. Получается, опять-таки по Штекли, что и Урбан, и Святая Служба истину-то знали (духовный пастырь Галилея, если воспользоваться выражением Е. А. Евтушенко, «был Галилея не глупее // Он знал, что вертится Земля»), но, видимо, то была истина для служебного пользования, а Галилей ее разгласил. За это коварного старца отдали под трибунал и теперь генеральный комиссар не знал, что с первым математиком и философом Великого герцога Тосканского делать. Правда не нужна была никому, ни Галилею, ни Святой Службе, поэтому зловерный старикашка сидит на допросе и нагло врет. Но чуть далее Штекли отмечает (кстати, вполне справедливо), что «упорное нежелание Галилея признавать вину возмущало» кардиналов-инквизиторов ⁸. Непонятно, однако, что ж это они так осерчали, если истина их не устраивала? Видимо, они считали, что Галилей не так лгал. Поэтому-то Макулано пришлось в приватной беседе, без протокола, разъяснить тосканскому злодею, как именно следует лгать на допросе в спецслужбе (ватиканской, разумеется). И это не мое извращенное понимание версии Штекли. Последний, детально описывая разговор фра Винченцо с синьором Галилеем (о чем, замечу, не сохранилось никаких документальных свидетельств), так и пишет:

Святая Служба знает истину не хуже, чем Галилей. Этот процесс – один из тех не особенно частых случаев (ну только, если «где-то, кое-кто у них порой честно жить не хочет». – *И. Д.*), когда именно в сокрытии истины совпадают интересы обвиняемого и судей ⁹.

⁷ Штекли. Галилей... С. 313–314.

⁸ Там же. С. 314.

⁹ Там же. С. 316.

Поэтому, если Галилей скажет то, что советует ему сказать Макулано, то «Святая Служба обещает минимальное наказание, не вредящее престижу трибунала»¹⁰.

Только историк с бесценным советским социальным опытом может так тонко понять душевные муки комиссара инквизиции. В английском языке ситуация, описанная Штекли, называется *plea bargain settlement* (заключение сделки с правосудием о признании вины). Вряд ли подобная сделка имела место, и тем не менее, как это ни странно, увеселительная версия Штекли кое-какую реальность, как будет ясно из дальнейшего, отражала (правда, в очень своеобразной форме) и кроме того, получила известное распространение, но уже, как водится, в виде фарса.

Так, например, в сочинении Н. В. Будур (филолога-скандинависта по специальности) читаем:

В своей книге «Занимательная физика. О чем умолчали учебники» (правильное название: «Удивительная физика. О чем умолчали учебники». – И. Д.) Н. В. Гулиа убедительно доказывает, что Галилей удивительно быстро нашел общий язык с инквизицией. В опубликованных ныне допросах инквизиционного суда написано, что Галилея только «увещевали», а он довольно быстро согласился с этими «увещаниями».

Правда взаимоотношений Галилея с инквизицией и папой Павлом V, который обещал ученому свое покровительство, была установлена в результате целого ряда анализов документов с помощью рентгена, ультрафиолетового излучения и даже специальной графологической экспертизы в 1933 году. Было выяснено, что документы неоднократно исправлялись, подчищались и фальсифицировались. Истина была установлена, но для почитателей Галилея она оказалась нерадостной – ученый никогда не отстаивал своих взглядов и быстро отрекся от того, от чего ему предложила отречься инквизиция¹¹.

Здесь почти все – ложь. Во-первых, Гулиа ничего вообще не «доказывал», тем более убедительно. Все, что он написал о процессе над Галилеем, Будур изложила почти дословно в приведенной цитате. Во-вторых, если верить написанному ей и Гулиа¹², которые не различают, намеренно или по невежеству, события 1616 и 1633 гг., то никакого инквизиционного процесса над Галилеем вообще не было, так, встретились (Галилей и кардинал Р. Беллармино), поговорили по-хорошему и тосканец быстро отрекся от коперниканских идей, а папа Павел V потом его еще дополнительно утешил. В-третьих, даже если принять старую, от XIX в. идущую версию о подделке протокола увещания Галилея (февраль 1616 г.), то даже в этом случае никак нельзя сказать, что эта фальсификация говорит против Галилея, скорее наоборот. Однако мне не хотелось бы занимать страницы серьезного историко-научного журнала анализом подобных измышлений.

¹⁰ Там же. С. 317.

¹¹ Будур Н. В. Инквизиция. Гении и злодеи. М., 2006.

¹² Справедливости ради надо заметить, что некоторые утверждения Н. В. Гулиа, например, о том, что Галилей не открывал закона инерции, не сидел в каземате во время процесса и некоторые другие, справедливы.

Но каковы бы ни были просчеты указанных и иных авторов, их изложение кажется вершиной академической учености на фоне того, что о процессе 1633 г. (и вообще о Галилее) говорят и пишут в современных российских СМИ и на отечественных интернет-сайтах. Так, например, на сайте журнала «Знание – сила» в разделе «Новости науки» можно прочитать, что Галилей «был обвинен в безбожии и отлучен от Церкви», а потому «принужден был жить на своей вилле Арчетри близ Флоренции, где и умер» и только в 1992 г. папа Иоанн Павел II «принес извинения ученому»¹³. Если бы Галилей был отлучен от Церкви за безбожие, он вряд ли доживал бы свой век на своей вилле близ Флоренции. Или другой пример:

Спикер Госдумы Борис Грызлов продемонстрировал свою ученость в интернет-интервью. Выступив в пресс-центре «Газета.Ru» (выступление транслировалось в Интернете), он, в частности, коснулся вопроса о лженауке. Говоря об этом, спикер произнес следующую фразу: «Это же средние века! Вот, Коперника сожгли на костре за то, что он сказал: «А все-таки Земля вертится!»¹⁴

Но самый поразительный пример – рассказ о Галилее доктора исторических наук, профессора РГУ Н. И. Басовской (специалиста по английской средневековой истории!) на радиостанции «Эхо Москвы». Приведу (с комментариями) лишь самые колоритные фрагменты этого *dialogo*¹⁵:

Н. Басовская: ...о Галилее написано много. И все-таки в мнении народном инквизиционный процесс вытеснил все. А между тем, он, например (далее читатель или слушатель, вероятно, ждет, что будет сказано о каких-то крупных достижениях ученого или о каких-то его выдающихся поступках, но нет, мысль г-жи Басовской делает неожиданный вираж. – *И. Д.*), завещал похоронить его в церкви Санта-Кроче рядом с Микельанджело. И воля его...

С. Венедиктов (так на сайте радиостанции, видимо, правильно А. Венедиктов. – *И. Д.*): Не похоронили?

Н. Б.: Через 100 лет после его смерти его воля была исполнена. Он так и лежит рядом с Микельанджело. И это тоже о чем-то говорит, потому что в его натуре, в его жизни было много разного, того, что не сводится к знаменитому «все-таки она вертится».

Пока остановимся. Итак, в жизни и в натуре претендента на лежание рядом с Микельанджело непременно должно быть «много разного», иначе не поло-

¹³ http://www.znanie-sila.ru/news/issue_23.html (как я понял, автором этих чудных строк является Н. Максимов).

¹⁴ <http://www.fontanka.ru/2010/06/01/076/> (т. е. 1 июня 2010 г.).

¹⁵ <http://echo.msk.ru/programs/vsetak/47593/> Правда, в печатной версии (*Басовская Н. Человек в зеркале истории М., 2012 (серия «Эхо истории» на «Эхо Москвы»). Герои. Тираны. Мыслители*). С. 382–391) автор высказывалась несколько осторожнее, но, во-первых, в наше время эхо популярной передачи несравнимо с резонансом печатного издания даже при вполне приличном тираже, а во-вторых, «странных» утверждений хватает и в печатном тексте. Почему-то в сознании некоторых авторов понятия «популярное» изложение и «ошибочное» отождествляются.

жат. Впрочем, тот факт, что у г-жи Басовской не все в порядке с логикой, я обсуждать здесь не буду. Отмечу лишь фактологические неточности, связанные с Галилео и другими героями передачи. Галилей завещал похоронить себя в церкви Санта-Кроче не рядом с Микеланджело, а рядом со своим отцом и могилами предков¹⁶. Но в результате вмешательства церковных властей его сначала похоронили в той же церкви, но за ризницей, в небольшой *Capella del Noviziato*. Идея соорудить мраморный саркофаг напротив гробницы Микеланджело (а не рядом с ней) принадлежала ученику Галилея В. Вивиани и была реализована только в начале XVIII в., уже после смерти последнего (перезахоронение останков Галилея состоялось 12 марта 1737 г.). Покончив с пространственными манипуляциями, собеседники перешли к временным:

С. В.: Но если Вы уже начали говорить о его кончине, то он скончался ровно в тот день, в который родился Ньютон.

Н. Б.: Вообще, есть очень много поразительных...

С. В.: Такая передача – ровно в день и в год, когда родился Исаак Ньютон.

Н. Б.: Родился ровно через сто лет после смерти Микеланджело. Т. е....

С. В.: Т. е. очень много всяких... мистика!

Н. Б.: У них там тесно было. Там было тесно от великих личностей. И поэтому они где-то пересекались, встречались, встречались хронологические совпадения.

Стоп! Давайте разберемся, кто когда родился и умер. Галилео Галилей, согласно Вивиани, который вместе с Э. Торричелли был свидетелем последних дней и минут жизни учителя, скончался 8 января 1641 г. по григорианскому календарю. Если же считать начало года с 1 января, как сейчас принято, то тогда получается, что Галилей умер *8 января 1642 г.*, эта дата приводится в большинстве современных биографий тосканского ученого. (В первой половине XVII в. Новый год 1 января отмечали только во Франции (с 1564 г.) и в Шотландии (с 1600 г.), тогда как во многих других странах Западной Европы, включая Англию, год начинался с 25 марта (Благовещение). Британцы стали праздновать Новый год 1 января только с 1752 г., т. е. с введением григорианского календаря).

Исаак Ньютон родился 25 декабря 1642 г., или по григорианскому календарю, который тогда был принят во многих странах на континенте, – *4 января 1643 г.* (опять-таки если считать начало года с 1 января).

Таким образом, выражая даты в одной и той же календарной системе (скажем, по григорианскому календарю) и считая начало года с 1 января, никак не получается, что Галилей умер «ровно в день и в год, когда родился Исаак Ньютон». Скажу больше, когда Галилей умер, будущий папа И. Ньютона еще даже не сделал предложение его будущей маме – Анне Эйскоу, которая вышла замуж в апреле 1642 г. Ее муж, Исаак Ньютон-старший, умер в октябре

¹⁶ *Galileo Galilei. Le Opere di Galileo Galilei. T. 1–20 / Direttore A. Favaro. Firenze, 1890–1909 (2-е изд.: Le Opere di Galileo Galilei / Direttore G. Abetti. Firenze, 1929–1939; 3-е изд.: Le Opere di Galileo Galilei. Nuova ristampa della Edizione Nazionale. Firenze, 1964–1966). T. 19. P. 522–524.*

того же года до рождения сына. Если уж г-же Басовской так хотелось, чтобы если не в день, то по крайней мере в год смерти Галилея родился кто-то из знаменитых, ей бы надо было сослаться, скажем, на османского султана Мехмеда IV (появился на свет 2 января 1642 г. по григорианскому календарю). Но Мехмед как-то не в тему, лучше бы Ньютон. Понимаю. Вот и Гёте тоже так хотелось, почему он в своем дневнике 24 июня 1831 г. написал, что Ньютон родился в год смерти Галилея¹⁷. Увы, великий Гёте ошибся! Может быть, это обстоятельство послужит некоторым утешением для г-жи Басовской. Теперь – о Микеланджело. Он скончался в 1564 г., и ровно через сто лет после его смерти никто из упомянутых в передаче героев родиться не мог. Действительно – мистика!

Далее г-жа Басовская попутно делает любопытное замечание о Копернике:

Коперник где-то там в глуши, в Польше, решил это сказать (речь идет о гелиоцентризме. – *И. Д.*), получив книгу (*De revolutionibus*. – *И. Д.*), умер от горя. Потому что к ней некто так и не выясненный, сделал предисловие, что это не книга об устройстве мира, это оригинальная игра ума! Когда Коперник это прочел, он тут же умер. И это где-то в глуши, в Польше. А тут в Италии, в центре тогдашней интеллектуальной и духовной жизни, человек пришел к этому же выводу.

Во-первых, давно, еще в начале XVII в., выяснили (заслуга принадлежит И. Кеплеру), что предисловие (*Ad lectorem*) к книге Коперника написано высокопоставленным протестантским пастором Андреасом Осияндером и в последние 400 лет это ни для кого из интересующихся историей науки, кроме г-жи Басовской, секретом не является. Во-вторых, Коперник умер от инсульта, а не от того, что прочитал чужое предисловие к собственной книге. Когда *De Revolutionibus* была отпечатана в конце марта 1543 г., Коперник находился уже в таком состоянии, что ему было не до книги, даже если ему действительно поднесли экземпляр. Это только на некоторых живописных полотнах (например, на известной картине А. Лессера) изображено, как умирающий Коперник, уютно устроившись на кровати или в кресле, с неподдельным интересом листает собственный опус. Кроме того, есть основания полагать, что текст Осияндера, возможно, был согласован с Коперником. И последний отрывок из познавательной передачи:

Н. Басовская: ...что он там (Галилей в *Dialogo*. – *И. Д.*) сказал? В сущности, ну, это разговор трех людей, хотя странно называется при этом «диалогом» – мне, вот, не очень это понятно, это вроде разговор на двоих. Но третий – самый колоритный, это такой простейший, *sempliccio*, по-итальянски. Вообще, Галилей пишет по-итальянски, внес вклад в развитие итальянского языка, хотя прекрасно может писать и по латыни – свободно владеет. Участвовал, между прочим – его интерес к литературе – в попытках восстановить топографию Дантова ада. Т. е. такой разностороннейший человек. И вот эти трое разговаривают об устройстве мира.

¹⁷ *Goethe, J. W. von Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespräche*, 28. August 1949 / E. Beutler (Hrsg.). Bds. 1–24. Bd 2: Tagebücher / Peter Boerner (Hrsg.).

Выводы каковы из их разговора? Наука не может опираться на цитаты, как было тысячу лет. Нужен опыт: и наблюдение за звездным небом, и бросаемые шары, и качающееся это кадило[...] Нужны приборы – и он готов их изготавливать. У него, как мы сказали бы по-простецки, руки чешутся. Кроме того, эти трое анализируют птолемеевскую и коперниковую систему устройства мироздания – не говоря окончательно, какая лучше. Но самый простодушный, «семпличчио» (вообще-то *Симпличио*, но не будем подозревать г-жу Басовскую в том, что она не листала труд Галилея, скорее всего это техническая ошибка; впрочем, в ее книге – этот герой назван *Симпличио*, хотя итальянское написание – *Simplicio* – не дает повода удваивать «ч» и в русском переводе А. И. Долгова это не делается. – *И. Д.*), все время вскрикивает: «Ой, неужели это так! Ах, как интересно!» Он глуповат. И как только книгу издали, и начинают распространять первые экземпляры по Риму, недруги, конечно, недруги Галилея пустили слух, что в этом образе простака выведен сам римский папа Урбан VIII – неглупый человек, не чужой Галилею (вон до чего у них там, «в центре тогдашней интеллектуальной и духовной жизни» дошло! – *И. Д.*), бывший кардинал Барберини...

Если бы г-жа Басовская, говоря «по-простецки», заглянула в словарь, то она (возможно, с удивлением) узнала бы, что *диалог* – это беседа двоих или *нескольких* людей и греческое *διά* – означает не «два» («два» по-гречески – *δύο* или *δύω*), но *через, посредством* (например, *διά χειρός* – руками) и т. д. Но самое главное – если бы «эти трое» анализировали птолемееву и коперниканскую систему мира, «не говоря окончательно, какая лучше», а «Семпличчио» бы при этом все время вскрикивал: «Ой, неужели это так! Ах, как интересно!», то вся история с процессом над Галилеем была бы совершенно иной. Галилея в том и обвиняли, что он вовсе не стоял на нейтральной позиции, позиции «над схваткой». Все симпатии автора *Dialogo* – на стороне Сальвиати. Но и Симпличио вовсе не деревенский дурачок, он собеседник, который высказывает по-своему последовательную позицию, что и создает напряжение в развитии беседы. Диалог Симпличио и Сальвиати – это напряженный диалог двух мировоззрений, двух культур, двух взглядов на проблему «что значит знать?», а не застольный треп восторженного придурка и великого мыслителя.

Россыпи исторического невежества

Теперь я перехожу, пожалуй, к самой неприятной странице отечественной «галилеаны» последних лет, речь идет о статье С. В. Девятовой и В. И. Купцова «Судьба учения Н. Коперника»¹⁸. Нельзя сказать, что авторы предложили какой-то уж совсем дивный образчик историко-научного невежества. Отнюдь! Как было показано выше, были герои и до Агамемнона. Но то, что простительно Б. Грызлову, ибо он никак не относится к числу интеллектуалов, непросительно профессорам ведущего вуза страны, опубликовавшим статью в академическом философском журнале.

¹⁸ Девятова С. В., Купцов В. И. Судьба учения Н. Коперника // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 83–97.

Замечу, что явно не философская статья Девятовой и Купцова (в том смысле, что в ней нет никаких глубоких и новых собственно философских идей и подходов, скорее, авторы предложили научно-популярный очерк по истории науки), в чем-то очень типична для определенного сегмента отечественной литературы, посвященной истории и философии науки. На наскоро сляпанных министерских курсах повышения квалификации преподавателей истории и философии науки мне часто приходится слышать от философов сентенции типа: «Я М. Фуко не читал и читать не буду!», «Блюменберг? А это кто такой? А его переводили на русский? – Нет, не переводили, тогда трудно сказать...», «И вы хотите, чтобы мы (философы) учились у историков науки, да мы их на порог не пустим» и так далее, и тому подобное. И все это я слышал не от «обществоведов» ремеслухи (простите, технического колледжа) где-то в Скотопригоньевске, а от представителей философских кафедр обеих столиц. Уверен, что Девятова и Купцов в меру сил интересуются историей науки и очень любят ее, но, увы, «странною любовью».

Прежде всего, обращает на себя внимание незатейливый список цитируемой ими литературы: 13 названий, из них – ни одного первоисточника на языке оригинала, из историко-научных работ – только одна книга издана в конце 1990-х гг., остальные были опубликованы 30, 40 и более лет тому назад. А между тем в последние годы появились серьезные исследования, посвященные жизни и творчеству Галилея¹⁹. Отсюда, разумеется, не следует, что старые книги плохи, дело в другом. История науки – бурно развивающаяся область, и как немислимо преподавать, скажем, современные физические или химические дисциплины по литературе даже 15–20-летней давности, так и с историко-научными дисциплинами. У нас же, особенно в гуманитаристике и особенно, увы, в философии, нередко пишут так, будто никто в мире данной темы не касался, никаких новых идей не высказывал, открытий не совершал и новых подходов не предлагал. Чаще всего за этим стоят две причины: непрофессионализм (отсутствие элементарной исследовательской культуры) и плохое знание иностранных языков (в частности, английское резюме статьи Девятовой и Купцова пестрит ошибками: *Copernic* вместо *Copernicus*, *geliocentrical* вместо *heliocentrical* и т. д., не говоря уже о стилистике и о том, что аннотация – как русская, так и английская – это по сути расширенный перечень ключевых слов, а не формулировка главных идей авторов). Отсюда печальное следствие: используется не та зарубежная литература, которая

¹⁹ См., например: *Shea, W. R., Artigas M. Galileo in Rome: The Rise and Fall of the Troublesome Genius. Oxford, 2003; Blackwell, R. Behind the Scenes at Galileo's Trial: Including the First English Translation of Melchior Inchofer's Tractatus syllepticus. Notre Dame (Indiana), 2006; Beretta, F. The Documents of Galileo's Trial: Recent Hypotheses and Historical Criticism // The Church and Galileo / Ed. E. McMullin. Notre Dame (Indiana), 2005. P. 191–212; Baldini, U., Spruit, L. Nuovi documenti galileiani degli archivi del Sant'Ufficio e dell'Indice // Rivista di storia della filosofia. 2001. Anno 56, n. s. № 4. P. 661–699; Beretta, F. Un Nuovo Documento sul Processo di Galileo Galilei. La Lettera di Vincenzo Maculano del 22 aprile 1633 al Cardinale Francesco Barberini // Nuncius. 2001. A16, fasc. 2. P. 629–641; D'Addio, M. The Galileo Case: Trial, Science, Truth / Translated by Brian Williams. Leominster (Herefordshire); Roma, 2004 (Series: Millennium; 11) [первое итальянское издание: Il caso Galilei. Processo, scienza, verità. Roma, 1993]; Speller, J. Galileo's Inquisition Trial Revisited. Frankfurt am Main; New York, 2008; Heilbron, J. L. Galileo. Oxford; New York, 2010.*

необходима, а та, что перевели на русский (достаточно взять многие статьи в журнале «Вопросы философии», чтобы убедиться в справедливости моих слов²⁰). Не говоря уж о том, что по нынешним этическим нормам не ссылаться даже на отечественные издания последних лет считается вполне допустимым.

В своей статье авторы затронули две главные темы: создание Коперником гелиоцентрической теории (около четырех журнальных страниц текста) и отстаивание коперниканских взглядов Галилеем, включая, разумеется, теологическую полемику по поводу гелиоцентризма (около восьми страниц). Далее я, по ограниченности места, остановлюсь только на втором, галилеевском, сюжете.

Для удобства изложения целесообразно разделить ошибки авторов на две группы. В первую я включу то, что, как я догадываюсь, по авторскому и редакционному мнению, следует отнести к досадным мелочам. Вот далеко не полный перечень: письмо Галилея Б. Каstellи, на которое ссылаются авторы, датируется 21 декабря 1613, а не 1612 г. (с. 90); письмо Галилея Кристине Лотарингской было написано не «ок. 1615 г.» (с. 90), а в мае – июне этого года, Н. Лорини отправил донос кардиналу П. Сфондрато не потому, что тот был «Членом (так, с прописной буквы, у авторов. – *И. Д.*) Конгрегации Индекса запрещенных книг» (с. 90), а потому, что он был членом (и, возможно, префектом) Конгрегации Римской инквизиции.

Далее, непонятно, на каком основании авторы сделали вывод, будто после обнародования декрета Конгрегации Индекса запрещенных книг от 5 марта 1616 г. «многие (! – *И. Д.*) бывшие сторонники» Галилея «перешли в оппозицию» (с. 92). Пример каноника Антонио Кверенго (*A. Querengo*) – он в статье назван Кваренго – неудачен, во-первых, потому, что неизвестно, был ли он вообще сторонником гелиоцентрического учения, а во-вторых, приведенная цитата из его письма кардиналу А. д'Эсте от 5 марта 1616 г. – просто ироничное описание ситуации, не более того.

Теперь о следующем утверждении авторов:

Вместе с тем инквизиция, отмечая, что в математическом отношении книга Коперника является полезной, поручила секретарю Конгрегации по распространению веры Ф. Инголи внести исправления в труд Коперника. 2 апреля 1618 г. он представил такие исправления, и они были одобрены. 16 марта 1620 г. было принято решение напечатать трактат Коперника с этими исправлениями (с. 92).

Здесь переврано все! Франческо Инголи в указанные годы не был и *не мог быть* секретарем означенной конгрегации, потому как Конгрегация по распространению веры (*de propaganda fide*) была создана буллой папы Григория XV (понтификат: 1621 – 1623) *Inscrutabili divinae* от 22 июня 1622 г. Внести

²⁰ Чтобы не быть голословным приведу некоторые цифры. Я взял 43 статьи отечественных авторов, опубликованные в журнале «Вопросы философии» в № 1–3 за 2011 г. В этих статьях доля ссылок на иностранную литературу, вышедшую после 1991 г., составила меньше 7%. А доля ссылок на иностранные работы, вышедшие в XXI в., и того меньше (< 5%). Так и хочется спросить: «Какое, милые, у вас тысячелетие на дворе?»

исправления в книгу Коперника в 1616 г. было поручено кардиналу Бонифацио Каэтано (*B. Caetano, Caietani* или *Caetani*; 1567 или 1568–1617), о чем Галилей и написал 6 марта 1616 г. госсекретарю Великого герцога Тосканского:

...из предисловия-[посвящения] Павлу III будут изъяты десять строк, в которых Коперник говорит о том, что его учение, как он полагает, не противоречит Св. Писанию. Как я понимаю, они могут убрать по слову там и сям, где два или три раза он называет Землю *звездой* (*sidus*). Исправление этих книг поручено Его Высокопреосвященству кардиналу Каэтано ²¹.

Но кардинал Каэтано скончался 29 июня 1617 г., и исправления в текст Коперника вносил его ассистент – Ф. Инголи ²².

На заседании Конгрегации Индекса 2 апреля 1618 г., проходившем под председательством Беллармино, было заслушано сообщение Инголи, который отметил, что труд Коперника «очень полезен и необходим для астрономии (*valde utilis et necessarius ad astronomiam*)» и потому он предлагает внести в него некоторые исправления (*emendatus et correctus*). То есть Инголи, как следует из протокольной записи, исходил из того, что ко времени его доклада *De revolutionibus* был полностью запрещен (*jam prohibitus*) и он, Инголи, предлагает разрешить пользоваться этой книгой, после того как в нее будут внесены коррективы ²³. Из сказанного ясно, что к началу апреля 1618 г. формулировка декрета от 5 марта 1616 г. в отношении книги Коперника («временно запретить», *donec corrigatur* (т. е. до исправления. – *И. Д.*)) была ужесточена, и именно эта более жесткая формулировка попала затем в сводный Индекс (*Edictum*) издания 1619 г., т. е. вместо исправления сочинения Коперника, как предписывалось декретом от 5 марта 1616 г., решили исправить сам декрет. Трудно сказать, кому принадлежала эта инициатива (кардинал П. Сфондрато скончался 14 февраля 1618 г., и в принципе можно допустить, что он успел так отредактировать декрет 1616 г.), но кто бы это ни был, сам факт изменения декрета, *одобренного папой*, свидетельствует о серьезных разногласиях в курии.

Тем не менее предложение Инголи приняли, и было решено отправить труд Коперника «достопочтеннейшим отцам-иезуитам, преподавателям математики в *Collegio Romano*» с целью определить, как и какие поправки и изменения в его тексте надлежит сделать ²⁴.

На следующем заседании Конгрегации Индекса 3 июля 1618 г. Беллармино сообщил, что отцы-иезуиты К. Гринбергер и О. Грасси внимательно рассмот-

²¹ *Galileo Galilei. Le Opere...* Т. 23. P. 244.

²² *Metzler, J.* Francesco Ingoli, der erste Sekretär der Kongregation (1578–1649) // *Sacrae Congregationis de Propaganda Fide Memoria Rerum 1622–1972*. Rom; Frieberg; Wien, 1971–1976. Vol. 1. P. 197–243.

²³ *Acta Sacrae Indicis Congregationis*, I, 2. Archivio della Congregazione per la dottrina delle fide (это архивное собрание включает в себя документы *Sant'Uffizio Romano*, т. е. римской инквизиции, и *Congregazione dell'Indice*, т. е. Конгрегации Индекса запрещенных книг) и в настоящее время находится в *Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum* (Archivio Segreto Vaticano). f. 128r (далее: ASIC, номер листа).

²⁴ Там же.

рели и полностью одобрили поправки Инголи²⁵, т. е. они согласились с тем, что все астрономы должны иметь возможность пользоваться книгой Коперника.

Некоторые детали, связанные с внесением исправлений в книгу Коперника и нового предисловия к ней, обсуждались также на заседаниях Конгрегации Индекса 7 сентября, 9 октября 1618 г., 28 февраля 1619 г. и 31 января 1620 г.²⁶ 1 мая 1620 г. Конгрегация Индекса, наконец, приняла окончательное решение, причем в обосновывающей части постановления было сказано:

Хотя отцы Св. Конгрегации Индекса признали необходимым полностью запретить сочинение прославленного астронома (*nobilis astrologi*) Николая Коперника *De mundi revolutionibus*²⁷ по причине того, что в нем принципы, касающиеся положения и движения земного шара, несовместимые со Св. Писанием и его истинным и католическим толкованием (что христианин никак не должен терпеть) изложены не как гипотетические (*non per hypothesim tractare*), но без колебаний защищаются как истинные, тем не менее, в силу того, что это сочинение содержит много вещей очень полезных для государства (*in iis multa sunt reipublicae utilissima*²⁸), отцы единодушно сошлись на том, что сочинения Коперника, напечатанные до сих пор, должны быть разрешены. И разрешаются они при условии, что будут скорректированы в соответствии с прилагаемым ниже исправлением тех мест, где он [Коперник] обсуждает положение и движение Земли не гипотетически (*ex hypothesis*), но как утверждение (*sed asserendo*)²⁹.

Как видим, и имена, и даты, да и сами события совсем не те, что перечисляются в статье Девятовой и Купцова.

Далее, кардинал Маффео Барберини (1568–1644) никак не мог стать папой римским в 1621 г., как сказано в статье (с. 92). В этот год в лучший из миров перешли папа Павел V (28 января) и кардинал Беллармино (17 сентября). Новый папа – 67-летний Алессандро Лудовизи (*A. Ludovisi*) из Болоньи, больной и слабый, – занял престол Св. Петра 9 февраля 1621 г. под именем Григория XV. Он скончался 8 июля 1623 г., после чего в результате долгих выборов новым Верховным понтификом стал (6 августа 1623 г.) М. Барберини, взявший себе понтификальное имя Урбан VIII. Кстати, выражение авторов «папой римским избирается кардинал Маффео Барберини, получив (! – И. Д.) имя Урбан VIII» (с. 92) нельзя признать удачным, поскольку в Ватикане не было Конгрегации по раздаче новоизбранным папам их понтификальных имен, каждый Святейший отец сам выбирал себе такое имя.

Кроме того, Урбан VIII никогда не был членом *Accademia dei Lincei*, хотя таковыми были некоторые его приближенные – племянник папы кардинал

²⁵ ASIC, f. 139v.

²⁶ Copernico, Galilei e la Chiesa: fine della controversia (1820). Gli atti del Sant'Uffizio / A cura di Walter Brandmüller e Egon Johannes Greipl. Firenze, 1992. P. 148–149.

²⁷ Видимо, достопочтенные отцы с таким рвением занимались «делом Коперника», что забыли точное название труда *прославленного астронома*.

²⁸ Под термином *reipublicae* здесь имеется в виду либо *общественное благо*, либо, что вероятнее – *сообщество христиан*.

²⁹ ASIC, f. 197v.

Франческо Барберини, Джиованни Чьямполи (который в статье упоминается с разными инициалами, то «Б.», то «Д.»), Вирджинио Чезарини.

Не могу не отметить одно забавное обстоятельство. Авторы (возможно, таково было редакционное требование) везде дают заглавия сочинений XVI–XVII вв. в переводе на русский язык, не дублируя их на языке оригинала, что вообще говоря, свидетельствует о низкой культуре публикации, – но вот на оде М. Барберини их, что называется, «застопорило» (с. 92). Понимаю ситуацию: Фантоли (и переводчик его книги) название оды оставили как есть, без перевода, а самим перевести... ну, в общем, не до того было. Сообщаю: *Adulatio pernicioso* можно перевести как «Пагубная лесть».

Приводимая затем фраза из письма М. Барберини Галилею (от 24 июня 1623 г.): «Во мне вы всегда найдете своего верного слугу, ибо заслуживаете этого, благодаря всему тому, что для меня сделали» (с. 92) выглядит для внимательного, но неискушенного читателя несколько загадочной: чем это кардинал Барберини был так обязан Галилею? Поясняю контекст письма: тосканский ученый помог Франческо Барберини, племяннику будущего папы, получить докторскую степень в Пизанском университете.

Однако чем дальше, тем интересней и прелестней авторский текст:

В сентябре (непонятно какого года; впрочем, как было показано выше, у авторов с датами дела обстоят далеко не блестяще, поэтому подскажу: речь идет о письме Галилея Ф. Барберини от 19 сентября 1623 г.³⁰ – И. Д.) он [Галилей] писал брату и племяннику нового главы Католической церкви... (с. 92)

Поскольку письмо Галилеем написано одному (!) человеку, то неясно, как понимать слова «писал брату и племяннику». Очень трудно представить человека, который кому-то может приходиться одновременно и братом, и племянником. Правда, Галилей передает привет отцу Ф. Барберини – Карло Барберини, старшему брату Урбана VIII, но само письмо, повторяю, было написано только одному адресату.

И еще один забавный казус. Авторы пишут: «...папа просил сказать Галилею, что у него нет лучших друзей, чем он и сам, папа римский» (с. 93). Поскольку мне очень трудно предположить, что два профессора МГУ были обделены средним образованием, я расскажу им (как профессионал дилетантам), а заодно и читателям, о чем они в этих кратких, но сильных словах в действительности написали. Дело было так. 3 мая 1630 г. Галилей прибыл в Рим, а спустя две недели он был принят Урбаном. В день беседы Галилея с папой в *Avvisi di Roma* появилось следующее объявление:

Галилео, известный математик и астролог (*sic!* – И. Д.), находится здесь с целью опубликовать книгу, в которой он нападает на многие мнения, подерживаемые иезуитами. Ожидается, что он скажет, что донна Анна³¹

³⁰ *Galileo Galilei. Le Opere...* Т. 13. Р. 130–131.

³¹ Анна Колонна (*Colonna A.*, ?–1658) – жена Таддео Барберини (1604–1647), племянника Урбана VIII. Понтифик решил не делать Таддео кардиналом, чтобы было кому продолжить род.

родит сына, что в Италии в конце июня настанет мир и что вскоре после этого Таддео и папа умрут. Последнее [предсказание] было подтверждено неаполитанцем Карачиоли, отцом Кампанеллой и многими статьями (*discorsi in scritto*), в которых выборы нового понтифика обсуждаются так, как будто Св. Престол уже свободен³².

Урбана VIII страшили не только и даже не столько мрачные предсказания астрологов сами по себе, сколько политические последствия этих прогнозов – папа терял рычаги управления, поскольку многие смотрели на него как на покойника. Однако в феврале 1630 г. вместо Урбана скончался его брат Карло. Предсказание не сбылось, но неприятный осадок остался.

Вскоре выяснилось, что автором зловредного гороскопа был аббат римского монастыря *Santa Prassede* Орацио Моранди (*Don Orazio Morandi*; 1570–1630), знакомый Галилея. Моранди – возможно, по политическим соображениям – не только составил гороскоп Урбана VIII, но и позаботился о том, чтобы его предсказание скорой смерти понтифика получило как можно более широкое распространение. Урбан, узнав об этом, распорядился немедленно арестовать аббата, а также его сообщников и начать следствие.

Сообщение в *Avvisi* встревожило Галилея, который время от времени занимался составлением гороскопов и не далее как 26 мая 1630 г. был на обеде, где присутствовал Моранди. Более того, в деле аббата фигурировали несколько его писем тосканскому ученому, из которых следовало, сколь высоко первый оценивал труды и мнения Галилео. Поэтому Галилей, опасаясь неприятностей, не преминул включить в текст *Dialogo* небольшой фрагмент, высмеивающий астрологов, а кроме того, встретившись в конце мая или в начале июня 1630 г. с Микеланджело Буонарроти-младшим, попросил того заверить кардинала Франческо Барберини в своей полной непричастности к событиям, связанным с делом Моранди. 3 июня 1630 г. Буонарроти сообщил Галилею, что как только он завел с Ф. Барберини разговор на эту тему, тот его прервал и заявил, что не верит ни одному слову, напечатанному в *Avvisi*, и добавил – у Галилея «нет лучших друзей, чем папа и он [Ф. Барберини]»³³. Вот теперь, я надеюсь, все встало на свои места.

Очень неудачно (в смысловом плане) построен следующий абзац (в статье вообще удачных авторских абзацев очень немного):

Однако с приходом [...] нового папы [...] никаких существенных изменений в отношении к коперниканскому учению не произошло. Эта ситуация вызвала у Галилея резкое противостояние. «Природа, синьор мой, – замечает он в письме в 1624 г. богослову Ф. Инголи, – насмехается над решениями и повелениями князей, императоров и монархов и по их требованиям она не изменила бы ни на иоту свои законы и положения» (с. 92–93).

Получается, что Галилей к лету 1624 г. разочаровался в Урбана VIII (точнее в его отношении к теории Коперника) и выразил свое «резкое противостояние» в приведенных словах. Между тем, все было совсем не так.

³² *Galileo Galilei. Le Opere...* Т. 14. Р. 103.

³³ Там же. С. 111.

Галилей за полтора с лишним месяца своего пребывания в Риме в 1624 г. встречался с папой шесть раз. Он даже получил от Святейшего кое-какие подарки (в частности, живописное полотно и две медали, золотую и серебряную). Но нет никаких указаний, вопреки утверждениям Девятовой и Купцова, что в их беседах затрагивалась космологическая тематика. Все, что Галилей смог узнать о позиции Урбана в этом вопросе, исходило из рассказа кардинала Ф. Цоллерна (*Eitel Friedrich von Zollern-Sigmaringen*; 1582–1625) и слова, сказанные папой кардиналу, можно было бы считать обнадеживающими, поскольку Святейший ясно выразился – Церковь не осуждала коперниканство как ересь, но только как необдуманное утверждение. Радовало и весьма благосклонное отношение Урбана VIII к *Il Saggiatore*, а также явное желание Его Святейшества быть главным патроном ученого, о чем понтифик не преминул сообщить Фердинандо II (1610–1670; правл. 1621–1670), Великому герцогу Тосканы. Именно потому, что Галилей почувствовал поддержку Урбана, он, осмелев, и решился написать ответ Инголи, что долго откладывал, соблюдая обещание, данное Беллармино в 1616 г.

И еще одна неточность из разряда «досадных мелочей»: Галилей начал систематическую работу над *Dialogo* не в 1625 г. (с. 93), а как минимум годом ранее, а некоторые фрагменты (о причинах приливов и отливов) – относятся к началу 1616 г.³⁴

Далее, авторы пишут:

Галилей, понимая сложную ситуацию, сложившуюся вокруг учения Коперника, написал специальное введение, в котором обосновывал замысел своей книги, заверяя читателя в том, что для него нет никакого сомнения в правильности геоцентрических представлений, в полном соответствии с позицией церкви (с. 93).

Нет, дело было не так! Галилея *вынудили* написать такое введение. 24 мая 1631 г. управляющий Св. Дворцом (*Magistro Sacri Palatii Apostolici*), он же, по должности, главный цензор Папской области Н. Риккарди (1585–1639), по прозвищу отец Мостро, написал письмо К. Эджиди (генеральному инквизитору Флоренции), где изложил требования Урбана VIII:

...наш Господин (*Nostro Signore*) считает, что заглавие и предмет (*soggetto*) [книги] не должны быть посвящены приливам и отливам (Галилей первоначально назвал свойopus «Диалог о приливах и отливах моря». – *И. Д.*), но исключительно (*assolutamente*) математическому рассмотрению позиции Коперника относительно движения Земли с целью доказать, что, если не принимать во внимание Божественное откровение и Священное учение, то, опираясь на эту позицию, можно спасти явления, сведя тем самым на нет (*sciogliendo*) все контраргументы, которые могли бы представить опыт и перипатетическая философия. И потому никоим образом не следует считать это [коперниканское] мнение абсолютно истинным, но лишь гипотетическим и не связанным со Священным Писанием.

Надлежит также показать, что эта работа написана только с целью продемонстрировать, что нам (т. е. Церкви. – *И. Д.*) известны все доводы,

³⁴ *Galileo Galilei. Le Opere...* Т. 5. P. 377–395.

которые могут быть приведены с этой стороны (т. е. со стороны коперниканцев. – *И. Д.*) и что не по незнанию [этих доводов] (*non per mancamento di saperle*) был принят декрет в Риме (имеется в виду декрет от 5 марта 1616 г. о включении книги Коперника *De revolutionibus orbium celestium* в *Index librorum prohibitorum*. – *И. Д.*). В этом должна состоять суть начала и заключения книги...³⁵

Не соответствует действительности и утверждение авторов, будто,

желая помочь Галилею и как-то смягчить возникшее напряжение Великий герцог Тосканский Фердинандо II подал прошение в Святейшее Учреждение с просьбой разрешить ученому не приезжать в Рим, а рассмотреть его дело во Флоренции (с. 94).

Ни с какими прошениями и просьбами Фердинандо II, будучи суверенным правителем, в Св. Службу не обращался и не мог обращаться. Галилей 13 октября 1632 г. обратился с указанной просьбой к кардиналу Ф. Барберини. Копия письма Галилея кардиналу была представлена Великому герцогу и тот поручил (через своего госсекретаря А. Чьоли) послу Тосканы при Св. Престоле Ф. Никколини доставить письмо ученого адресату, сделав все возможное, чтобы помочь Галилею.

На этом я завершаю разбор «мелочей». Не потому что их больше нет – отнюдь, примеры авторского невежества щедро рассыпаны по тексту статьи, как клюква на осеннем болоте, – но потому, что иначе не останется места для более важных вопросов.

Мираж постоянного действия

Поскольку значительная часть статьи посвящена процессу над Галилеем, то, естественно, у читателя могла появиться надежда, что авторы, опираясь на анализ исторических документов, разьяснят: за что же судили Галилея? Чем именно был вызван гнев Урбана VIII, когда он ознакомился с *Dialogo*? Девятова и Купцов, будучи уверенными, что ответ на оба эти вопроса по сути один и тот же, утверждают, что Галилея судили за то, что в его трактате «были изложены убедительные доводы в пользу учения Коперника, а противоположная позиция демонстрировалась как несостоятельная» (с. 94), в то время как еще в 1616 г. «Церковь запретила» (с. 91) гелиоцентризм, а птолемееву систему издавна «поддерживала» (с. 94).

Казалось бы, такое объяснение подтверждается приводимыми авторами цитатами, в частности, текстом приговора инквизиции. Однако это так только на первый и весьма поверхностный взгляд.

Прежде всего, следует отметить, что книга Фантоли, из которой авторы заимствовали значительный пласт информации, очень плохо переведена на русский язык. Это касается и текста приговора. Но важнее другое. Если бы авторы внимательно изучили документы, имеющие то или иное отношение к процессу над Галилеем, то они (при вдумчивом их анализе), возможно, отме-

³⁵ *Galileo Galilei. Le Opere...* Т. 19. Р. 327.

тили бы «странности» и важные нюансы этого процесса, некоторые из которых отмечались уже современниками Галилея.

Как заметил Р. Декарт в одном из писем М. Мерсенну (апрель 1634 г.),

я не вижу, чтобы это осуждение подтверждалось соборным решением (т. е. решением экуменического Собора. – *И. Д.*) или папой, оно исходит исключительно от собрания кардиналов. Поэтому с теорией Коперника может случиться то же, что и с теорией антиподов, которая некогда была осуждена подобным же образом ³⁶.

Кроме того, в 1651 г. астроном из Феррары Джованни Баттиста Риччиоли, иезуит и, замечу, противник гелиоцентризма, писал:

В силу того, что по этому делу не было догматического решения, принятого либо папой, либо Собором под руководством папы и с Его одобрения, утверждение о том, что Солнце движется и Земля неподвижна не является [...] доктриной веры. Однако каждый католик обязан подчиняться декрету Конгрегации [Святой Службы] или, по крайней мере, не учить тому, что прямо противоречит этому декрету ³⁷.

В самом деле, приговор был одобрен папой только *in forma communi* (в основном), формально оставаясь постановлением Святой Службы и потому не обладавшим статусом «непогрешимости». Замечу также, что и декрет от 5 марта 1616 г. также был одобрен Павлом V *in forma communi*, а не *in forma specifica*, вследствие чего он оставался актом Конгрегации Индекса (хотя Конгрегация Индекса следовала решению инквизиции и ее главы, т. е. папы, но это официально не афишировалось), не исходящим *непосредственно* от Святейшего, который считался догматически непогрешимым (т. е. его непогрешимость относилась лишь к вопросам веры и морали, причем имеются в виду догматические определения, данные верховным понтификом официально, *ex cathedra*, от лица всей Католической церкви).

Если полагать, исходя из первого, поверхностного прочтения текстов приговора, отречения и многих других документов процесса, что Галилея судили за поддержку и пропаганду учения Коперника, объявленного декретом Конгрегации Индекса от 5 марта 1616 г. «ложным и целиком противным Священному Писанию», то многие факты и события (особенно высказывания и действия Урбана VIII) останутся совершенно непонятными и необъяснимыми, а именно:

³⁶ *Galileo Galilei. Le Opere...* Т. 16. Р. 89. Декарт имеет в виду письмо папы Захария I (понтификат: 741–762) Св. Бонифатию, в котором говорилось, что священник по имени Вигилий (*Vigilius*), утверждавший, будто на другой стороне Земли живут люди (антиподы), должен быть за такие воззрения осужден. Но осуждения не последовало. Более того, Вигилий стал епископом Зальцбурга.

³⁷ *Riccioli, G. B. Almagestum nouum: astronomiam veterem nouamque complectens obseruationibus aliorum, et propriis nouisque theorematibus, problematibus ac tabulis promotam, in tres tomos distributam quorum argumentum sequens pagina explicabit. Bononiae, 1651. P. 162.*

– почему Урбан VIII крайне эмоционально (*in molto collera*) и в крайне резких выражениях ³⁸ отреагировал на публикацию *Dialogo*, где Галилей подерживал астрономическую теорию, которая, хотя и не соответствовала буквально понятию библейскому тексту, но которую *он сам* не считал еретической ³⁹ и которая, действительно, не касалась фундаментальных вопросов религии и морали, т. е. не была или по крайней мере не была официально (соборным постановлением или папским заявлением *ex cathedra*) объявлена доктринальной ересью ⁴⁰;

– почему ни в заключении созданной в августе 1632 г. Урбаном специальной богословской комиссии для рассмотрения текста *Dialogo*, ни в вопросах, поставленных перед Галилеем на допросах в инквизиционном трибунале, ни в заключениях трех экспертов (консультантов) Святой Службы (апрель 1633 г.) по книге Галилея, ни в защитительной речи самого Галилея, подготовленной им для трибунала, ни в беседах Святейшего с тосканским послом Никколини нет ни одного намека, что ученого судили по обвинению в поддержке и пропаганде теории Коперника, а речь везде шла о другом, о том, что он трактует эту теорию не как гипотезу (пусть даже наилучшую гипотезу, намного превосходящую птолемееву), «спасающую явления», но как выражающую физическую истину и веря в ее абсолютную истинность, с позиций этой теории объяснял ряд явлений, в первую очередь приливы и отливы ⁴¹;

– почему в «окончательном решении» Урбана VIII по делу Галилея от 16 июня 1633 г., Галилею строжайше предписывалось «не рассуждать более никоим образом, ни письменно, ни устно о движении Земли или о неподвижности Солнца, ни о противоположном (*et e contra*)», т. е. Галилею запрещалось в дальнейшем упоминать как о теории Коперника, так и о теории Птолемея.

Иными словами, даже если бы Галилей письменно или устно заявил: «Слава геоцентрическому учению Птолемея, единственно верной и всепобеждающей космологической доктрине, принятой матерью Католической церковью!!!» – его все равно ждали бы крупные неприятности как упорствующего еретика. Любой католик мог хвалить систему Птолемея (и даже излагать систему Коперника, не выдавая ее, однако, за физическую истину), а Галилей – нет! За что, спрашивается, тосканцу такие «привилегии»?

Документы и обстоятельства процесса дают ясный ответ – Урбана VIII не устраивала не сама по себе теория Коперника и даже не то, что кто-то

³⁸ «Галилей имел наглость (*ardito*) влезть туда, куда ему не следовало проникать: в самые серьезные и опасные вопросы, которые могут возбуждать [умы] в это время» (*Galileo Galilei. Le Opere... Т. 14. Р. 383*).

³⁹ К примеру, в 1624 г. он утверждал, что Святая Церковь не осуждала учение Коперника как еретическое и не намерена делать это впредь, она только указала «на известную опасность этой теории. Однако не следует бояться того, что когда-либо будет доказана ее истинность» (*Galileo Galilei. Le Opere... Т. 13. Р. 182*).

⁴⁰ И даже после окончания процесса Урбан продолжал утверждать, что чтение *Dialogo* для христиан «в высшей степени пагубно» (*Galileo Galilei. Le Opere... Т. 16. Р. 455*).

⁴¹ То были главные обвинения (*capitoli principali*), фигурировавшие в ходе подготовки процесса и на самом процессе. Более того, как следует из приведенного выше фрагмента протокола заседания Конгрегации Индекса (от 1 мая 1620 г.), теологи и до того как М. Барберини стал папой упрекали Галилея в том, что он говорит о теории Коперника не как о гипотезе, но «абсолютно», т. е. как о выражающей физическую реальность.

предпочитал ее системе Птолемея, но то, как Галилей трактовал *любую* научную теорию (т. е. *modo* его рассуждений и оценок), а именно: Святейшего не устраивало, что Галилей оценивает научные теории в рамках бинарной оппозиции «истинное – ложное». Иными словами, в глазах Урбана VIII Галилей был виновен не в том, что теории Птолемея предпочитал теорию Коперника, а в том, что он посмел утверждать, будто научная теория (любая!) может описывать реальность и раскрывать реальные причинно-следственные связи, что, по мнению Верховного понтифика, прямо вело к тяжелой доктринальной ереси – отрицанию важнейшего атрибута Бога: Его всемогущества (*potentia Dei absoluta*), а если вдуматься, то и Его всеведения. В этом и заключалась для папы еретичность позиции тосканского математика: Галилей, принимая теорию Коперника как *verità assoluta*, что было доказано экспертами Св. Службы, не только нарушил данное Святейшему обещание трактовать ее гипотетически, но и сознательно пренебрег одним из центральных догматов христианской веры, в силу чего он обвинялся Церковью в распространении *формальной ереси*, поскольку налицо все необходимые условия для такого обвинения: *error intellectus contra aliquam fidei veritatem* («ошибка разума против какой-либо истины веры»), причем ошибка, допущенная по собственной воле – *voluntarius*, а также отягчающее обстоятельство: *cum pertinacia assertus*, т. е. упорство в ереси.

Не существует, по глубокому убеждению Урбана, физически истинных (и, соответственно, физически ложных) – актуально или потенциально – утверждений и теорий. Есть теории, которые лучше «спасают явления» и которые делают это хуже, есть теории более удобные для вычислений и менее удобные, есть теории, в которых больше внутренних противоречий и в которых их меньше и т. д. и т. п. Урбан вел свой *dialogo* не с Галилеем (точнее, не только с ним), он на заре того, что часто называют *научной революцией Нового времени*, вел диалог (разумеется, по обстоятельствам эпохи и своего статуса – с позиции силы и в теологических терминах), если можно так выразиться, с самой методологией зарождающейся классической науки, выступая в этом диалоге как теолог *par excellence*. Галилей спасал атрибуты новой науки, Урбан – атрибуты Бога.

В историческом контексте суть позиции Урбана может быть детализирована следующим образом: если некоторая теория (скажем, теория Коперника) рассматривается как выражающая «абсолютную истину» (в том смысле, что она претендует на отражение реального обстояния дел в физическом мире, например: Земля и прочие планеты движутся вокруг Солнца), то тогда ситуация, описываемая всеми прочими теориями (некоперниканскими «системами мира»), оказывается невозможной, что может быть обусловлено либо тем, что такая альтернативная ситуация содержит противоречие (некоперниканский мир противоречит совокупности наблюдаемых явлений и/или законам природы), либо тем, что мы явно или неявно допускаем, будто создать такую ситуацию Бог не в состоянии. Далее, если первая возможность нами отвергается (т. е. все противоречивые некоперниканские теории отбрасываются), поскольку Бог не может создать нечто, что содержит в себе противоречие, то остается признать, что Бог не в состоянии создать, допустим, некоперниканский мир, имеющий коперниканскую видимость. Или Он не знает, как такой

мир сотворить. То есть в одном случае отрицается Божественное всемогущество, в другом – Его всеведение. В итоге, мы впадаем в серьезную ересь, избежать которую правоверному христианину удастся только одним способом: признать, что *никакая* научная теория не может приниматься как «абсолютная истина». Как спустя без малого триста лет скажет С. Есенин («Жизнь – обман с чарующей тоскою»):

Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе.

Таким образом, по мнению Барберини, нельзя настаивать на истинности какой-либо теории, если не доказано, что все прочие мыслимые теории противоречивы, поскольку Божественное всемогущество ограничено только требованием непротиворечивости (*non repugnantia terminorum*). Однако данное условие истинности теории является необходимым, но недостаточным: даже если такая единственно непротиворечивая теория и будет создана, всегда возможно в ее опровержение сослаться на *potentia Dei absoluta*, т. е. на то, что Бог в своем бесконечном могуществе и бесконечной мудрости может продуцировать данное обстояние дел (скажем, согласующуюся с текстом Ветхого Завета геоцентрическую космологию) многими способами, включая и те, о которых натурфилософы и математики не имеют никакого представления и даже не в состоянии вообразить. Иными словами, Урбан, стоя на позициях «теологического скептицизма», требовал от Галилея признания:

– необходимости учета наряду с естественной причинностью также «причинности» иного рода, а именно – учета действия некой *сверхъестественной* (божественной) «каузальности», причем речь фактически шла не просто об эксклюзивном нарушении Богом «обычного хода природы», но о *детерминации* естественного хода вещей сверхъестественными факторами;

– принципиальной непознаваемости истинных причин природных явлений (а не только ограниченности человеческого понимания природной реальности).

Получалось, по Урбану VIII, что даже если существует единственная непротиворечивая теория, «спасающая» явления, т. е. описывающая их так, как мы их наблюдаем, – ситуация практически нереальная, – то ее истинность все равно остается в принципе *недоказуемой* в силу догмата о Божественном всемогуществе, который фактически лишал *любую* теорию ее когнитивной значимости. Человеку не дано построить истинную «систему мира». Поэтому, если натурфилософское утверждение противоречит библейскому тексту и это противоречие оказывается неразрешимым для человеческого разума, то в этом случае, по мнению Святейшего, следует отдать предпочтение теории, наилучшим образом согласующейся с текстом Св. Писания и с теологической традицией, ибо Библия является единственным источником достоверного знания. И если есть две или большее число теорий, «спасающих явления» и при этом логически непротиворечивых, то следует придерживаться той из них, которая имеет наибольшее теологическое оправдание, т. е. согласуется с буквальным пониманием библейского текста и/или с единодушным мнением Отцов Церкви, поскольку Бог своим всемогуществом может реализовать на-

блюдаемые явления бесчисленным множеством способов, в том числе и недоступных человеческому разумению.

Вместе с тем, хотя аргумент Урбана и был облечен в теологическую форму (что естественно для верховного понтифика), однако, он не является чисто богословским. Если рассуждать отвлеченно-логически, то позиция папы сводилась к следующему: сколько бы наблюдаемых данных ни свидетельствовало в пользу некоторой теории, всегда можно представить некий мир, в котором все эти наблюдения будут истинными, но теория – ложной⁴². Галилей, в принципе, понимал это затруднение, но ученого смущало обращение папы именно к *сверхъестественному* миру. И смущало Галилея это обстоятельство, разумеется, не в силу его якобы недостаточной крепости в вере, а в силу убежденности, что Бог – не иллюзионист и не обманщик, что Он создал упорядоченный мир, явления которого подчинены определенным, математически выражаемым законам, и задача науки – постичь эти законы (историк философии, разумеется, сразу уловит здесь картезианскую тему и будет прав). Если же ход естественных явлений определяется сверхъестественными причинами, то тогда в «естестве» (т. е. в природе) не остается ничего «естественного».

Возвращаясь же к процессу над Галилеем, мы можем констатировать, что разнонаправленность действия различных факторов (контекстов) этого процесса определили его своеобразие: жесткость антикоперниканской (и антигалилеевой) риторики при сравнительно мягком реальном наказании для тосканского *virtuosi* и «послаблениях» ему, сделанных в ходе разбирательства в трибунале Святой Службы. Согласившись формально признать ученого просто сильно подозреваемым в ереси, а не упорствующим еретиком, Урбан VIII пошел на уступки, причем, не только и не столько самому Галилею, сколько сложившимся обстоятельствам, которые включали:

- отношения Святого престола с Великим герцогом Тосканы, с которым Урбан вынужден был считаться, тем более что именно в это время понтифику приходилось вести сложные переговоры по поводу создания лиги итальянских государей, в которой Фердинандо II отводилась заметная, если не главная роль, а кроме того, нельзя было допустить укрепления отношений Великого герцогства Тосканского с Испанией и со Священной Римской империей, а такая опасность существовала;

- непростую ситуацию в самой римской курии, в том числе наличие в ней прелатов, симпатизировавших Галилею, в число которых многие историки включают кардиналов Ф. Барберини, Г. Бентивольо и Д. Скалья, а также комиссара инквизиции В. Макулано, который вел допросы ученого⁴³;

- чисто технические трудности доказательства отрицания (или умаления) Галилеем догмата о Божественном всемогуществе. (Замечу в связи с этим, что отечественным историкам, проецирующим собственный социальный опыт и интуицию на работу Святой Службы, понимание последнего обстоя-

⁴² *Finocchiaro, M. Galileo and the Art of Reasoning: Rhetorical Foundations of Logic and Scientific Method. Dordrecht; Boston, 1980. P. 9–11; Morpurgo-Tagliabue, G. I processi di Galileo e l'epistemologia. Rome, 1981. P. 104.*

⁴³ *Drake, S. Galileo at Work: His Scientific Biography. Chicago, 1981. P. 439; Speller, J. Galileo's Inquisition Trial. P. 132–133, 263 et passim.*

тельства давалось и дается с трудом, а чаще вообще не укладывается в их представления (см., к примеру, цитированные выше работы А. Э. Штекли). Ну в самом деле, если папа недоволен Галилеем, то тосканец должен понести суровое наказание, какие еще нужны основания? Однако Урбан VIII при всем его холерическом темпераменте все-таки не был лишен правового мышления. Он понимал – судьям трибунала нужно нечто большее, чем ссылки на то, что излюбленный аргумент понтифика о Божественном всемогуществе представлен в *Dialogo* как-то вяло, без должного энтузиазма и соответствующие слова вложены в уста Симпличио, фигуры явно страдательной и т. д. и т. п. Поэтому папа распорядился создать специальную комиссию, которая должна была внимательно изучить текст *Dialogo*, а также порыться в архивах Святой Службы и Индекса, нет ли там чего компрометирующего Галилея. И когда соответствующие документы, касавшиеся увещания Галилея кардиналом Беллармино в 1616 г., были найдены и дело можно было переводить из эмоционально-психологической плоскости в чисто юридическую, Урбан успокоился, его высказывания в беседах с тосканским послом стали менее раздраженными, но более жестко-деловыми);

- международную известность Галилея;
- преклонный возраст и плохое состояние здоровья ученого (папе вовсе не хотелось, чтобы Галилей перешел в лучший из миров в покоях Святой Службы; даже страшно представить, какие слухи после этого ходили бы по Риму!).

Кроме того, надо было во что бы то ни стало снять все возможные упреки с цензоров, выдавших *Imprimatur*, и в первую очередь с отца Риккарди, потому что обвинение последнего бросало тень на Урбана. Макулано, замечу, правильно проанализировал сложившуюся ситуацию: Святейший выдворил Чьямполи из Рима, послав его в Монтальго (в Монтальго, заметим, а не в тюрьму!), тогда как отца Риккарди Урбан не тронул («падре Мостро» оставался в своей должности до самой своей кончины в 1639 г., после чего его сменил В. Макулано, к тому времени уже кардинал), Галилей же оказался перед трибуналом, но обходились с ним довольно мягко. Перед Макулано встала нелегкая задача: он, сознавая, что главный, но не формулируемый явно в докладе экспертов специальной комиссии пункт обвинения касался не просто защиты Галилеем коперниканской теории, но посягательства на Божественные атрибуты (всемогущества и всеведения Всевышнего), должен был одновременно доказать вину Галилея (так, как она формулировалась в официальных документах: поддержка и защита учения Коперника), избежать чрезмерной строгости приговора, спасти честь мундира (точнее, сутаны) отца Риккарди, ни в коем случае не нанести ущерб авторитету Святейшего и поддержать репутацию трибунала (который, как известно, никогда не ошибается). Чтобы не стать героем комедии, Святой престол должен был сделать Галилея героем трагедии (или, по крайней мере, драмы). Выход был один – убедить Галилея признать свои заблуждения и покаяться. Ясно, что в рамках официальной процедуры допроса (которая требовала в случае упорства обвиняемого усиления мер воздействия на него) сделать это невозможно. Вот тогда у фра Винченцо и созрела идея неофициального общения с подсудимым, так сказать,

поговорить со стариком по душам, разъяснив истинную ситуацию, в которой тот оказался. И комиссару это удалось.

В итоге, приговор стал результатом вынужденного компромисса, когда публично объявленное обвинение (в поддержке гелиоцентризма) не соответствовало тому, в чем папа видел подлинное преступление Галилея (отрицание важнейшего атрибута Бога). Далее, характер и динамика процесса 1633 г. в сильной степени определялись событиями 1616 г. и поведением Галилея на стадии получения цензурного разрешения на публикацию *Dialogo*, что позволило выдвинуть против тосканца два взаимно дополнявших друг друга обвинения: дисциплинарное (игнорирование увещания/предписания 1616 г. и умолчание о нем при обращении к цензору) и «теологическое» (защита гелиоцентрической теории, не согласующейся с буквальным пониманием библейского текста).

Наконец, необходимо принять во внимание, что Галилей, желая увидеть свой труд опубликованным при жизни, шел на всевозможные уловки и хитрости, сами по себе понятные и простительные, но вредившие его имиджу и в Риме, и во Флоренции. Ведь в конечном счете мало кого интересовало, прав он был или не прав, защищая гелиоцентрические воззрения, а вот используемые им *методы* отстаивания своих мнений многих современников ученого приводили, мягко говоря, в замешательство. Получалось – в глазах отца Риккарди, комиссара В. Макулано, Великого герцога Тосканы и многих других людей, хорошо или по крайней мере не враждебно относившихся к Галилею, что он, вопреки его уверениям, отнюдь не был жертвой происков своих коварных и многочисленных противников, нет, он намеренно скрыл от Святейшего факт увещания 1616 г., нарушил предписания Риккарди и чисто формально отнесся к пожеланиям Урбана VIII. И все это ради того, чтобы доказать физическую истинность гелиоцентрической теории, осужденной Церковью. В глазах многих его современников (отнюдь, подчеркну еще раз, не враждебно настроенных к ученому), Галилей ради торжества научной идеи, представлявшейся ему истинной, готов был пойти, если не на все, то во всяком случае на многое – он манипулировал своими покровителями, патронами и друзьями, вовлекая их в подчас непростые ситуации, из которых им потом нелегко было выбраться.

Но и Галилея можно понять, ведь фактически он оказался в нелегкой ситуации, когда ему навязывали заведомо неприемлемые правила игры – не вы, синьор Галилей, являетесь хозяином своих мнений, т. е. про себя-то вы можете думать, что угодно, но вы не можете публично высказывать все, что придет вам в голову, а если вы это будете делать, даже считая, что отстаиваете истину, то мы (власть), опираясь на всю нашу мощь, будем чинить вам всевозможные препятствия, тогда как вы должны в ответ всегда играть только в честную игру. Иными словами, Галилей оказался в ситуации, когда власть (церковная или светская), способная на вполне законном основании изничтожить любого, высказывающего неудобные для этой власти мнения, требует, чтобы ее оппонент играл только «по-честному», т. е. по правилам, которые для него эта власть и установила. В этом, видимо, и заключена тайна того, что сейчас называют политкорректностью.

Поэтому спор на тему, кто виноват в том, что судили Галилея, Церковь в лице Урбана VIII или он сам, может продолжаться вечно. Это все равно, что спорить, какой полюс, отрицательный или положительный, «виноват» в том, что произошел электрический разряд.

Что же касается чисто научных и философско-методологических возражений в адрес галилеевой теории приливов, которая по замыслу ученого должна была доказать движение Земли, то они в ходе процесса фактически были вынесены за скобки. Но то, на чем не стал заострять внимание инквизиционный трибунал, стало предметом разбирательства на, так сказать, «втором процессе» над Галилеем, на котором главным «обвинителем» выступал Р. Декарт. Однако это уже совсем иная тема.

Как видим, история процесса 1633 г. несколько многомерней, чем это представляют авторы разбираемой здесь статьи. Именно сложная полифония различных факторов и контекстов (логических, физических, натурфилософских, патронатных, теологических, политических и личностно-психологических) определила в конечном итоге причины, характер и особенности процесса над Галилеем. Не следует, на мой взгляд, думать, что крупные исторические события всегда и во всем обусловлены непременно фундаментальными причинами, иногда действуют и «бифуркационные» механизмы. Многие повороты в развитии «дела Галилея» исчерпывающим образом объяснимы простыми житейскими обстоятельствами: игрой амбиций, личной неприязнью или, наоборот, симпатией отдельных героев и тому подобными факторами. Как заметил Х. Ортега-и-Гассет, причины процесса над Галилеем коренятся «скорее в мелких интригах отдельных группировок, нежели в каких-либо догматических установлениях Церкви»⁴⁴. Хотя испанский философ несколько упрощал ситуацию, но доля истины в его оценке, разумеется, есть.

И последнее. В литературе, особенно отечественной с ее нарочито оценочной акцентуацией, процесс над Галилеем принято трактовать в терминах столкновения науки и религии. При этом Галилей выступает в роли последовательного борца с религиозными предрассудками за свободу мысли. Такая картина совершенно не соответствует действительности.

Во-первых, многие священнослужители поддерживали коперниканские взгляды тосканца или по крайней мере относились к ним сочувственно (к примеру, П. Дини, П. Фоскарини, Ф. Миканцио, А. Пикколомини и даже В. Макулано). Иезуиты К. Шейнер и О. Грасси вели острую полемику с Галилеем, но то был натурфилософский спор, а не защита христианской догматики от научных инноваций. В то же время, как было сказано выше, далеко не все натурфилософы и математики были на стороне Галилея.

Во-вторых, позиция Церкви не была монолитной, если, к примеру, кардинал Беллармино делал акцент на недоказанности теории Коперника, то кардинал М. Барберини – на принципиальной недоказуемости любой научной теории.

В-третьих, сам Галилей был глубоко верующим человеком и вполне добропорядочным католиком, что не мешало ему отстаивать свои научные убеждения. Поэтому вопрос о свободе мышления, за которую тосканскому учено-

⁴⁴ *Ortega y Gasset, J. En torno a Galileo: esquema de las crisis. Madrid, 1956. P. 9.*

му действительно приходилось бороться, на мой взгляд, следует трактовать в рамках христианского понимания свободы. Христос дает свободу от рабства греха и смерти – греха как первородного, так и личного, от которого не свободен никто. Свобода в христианском понимании – это свобода не зависеть ни от кого и не от чего, кроме Бога. Человек свободен от страха небытия после смерти, свободен от многих зависимостей (например, от общественного мнения, принятых стереотипов, требований и приоритетов), потому что Христос есть Истина и Любовь. В христианском понимании, свобода – в зависимости, но в зависимости от Христа и только от Него. Как только в мире появляется что-то отгораживающее человека от Бога – свобода заканчивается, начинается зависимость от чего-то иного. Наконец, Он оставил каждому свободу сказать «нет». И это тоже – Его свобода.

Галилей как христианин боролся за свободу высказывать истину или то, что он, в исторически обусловленном горизонте возможностей верификации научных утверждений, искренне воспринимал как истину о мире, сотворенном Богом и в этом смысле боролся за свободу отстаивать Божественную истину перед лицом кого угодно, даже Церкви, надеясь уберечь ее от ошибки в оценке теории Коперника. В его понимании Божественная истина не должна зависеть ни от обстоятельств места и времени, ни от политической ситуации, ни от межконфессиональной борьбы, ни от интриг в курии, и уж подавно она не может зависеть от чьих-то настроений и мнений, даже если этот кто-то в силу своего статуса может в определенных ситуациях выступать *in persona Christi*. Не говоря уже о том, что Галилей был убежден в своей избранности Господом для открытия «чудесных творений Его рук»⁴⁵.

Можно по-разному интерпретировать события. Я вовсе не намерен навязывать кому-либо свое видение процесса 1633 г. Но любая интерпретация должна учитывать те факты и обстоятельства, о которых я упомянул выше, и многие другие, которых я не касался, что предполагает серьезную историческую работу – анализ первоисточников и знакомство с трудами историков, – иначе это будут либо пустые спекуляции, либо повторение замшелых формулировок советского агитпропа.

Более того, из приведенного выше далеко, разумеется, не полного рассмотрения событий, связанных с полемикой вокруг гелиоцентрической теории Коперника и усилий Галилея доказать ее истинность, вырисовывается сложная и противоречивая картина, анализ которой требует использования контекстуального подхода. В свою очередь такой подход должен исходить из того, что система контекстов, в которых предполагается интерпретировать изложенную выше фактологию, не оставалась неизменной во времени⁴⁶, она

⁴⁵ *Galileo Galilei. Le Opere...* Т. 11. Р. 80.

⁴⁶ Например, к 1633 г. возросла роль политического фактора: в Европе с 1618 г. шла Тридцатилетняя война, в ходе которой Святому престолу пришлось лавировать между Францией, с одной стороны, и Империей и Испанией – с другой. В результате Урбан VIII, которого происпанская партия в курии упрекала с потаканием протестантам, вынужден был демонстрировать твердость в отстаивании чистоты веры и непримиримость к любым уклонениям от христианской догматики и тридентских решений, которые в сложившейся ситуации подчас толковались в более жесткой манере, нежели они были изначально сформулированы. Кроме того, политический конфликт в Европе, нашедший свое отражение в борьбе групп и фракций в римской ку-

постоянно меняла свою структуру. Вдумчивый анализ ситуации выявляет внутреннюю разнородность каждого типа контекста: теологического, политического, социокультурного, личностно-психологического, научного, патронатного, риторического, логического, философского (ибо полемика вокруг теории Коперника включала две группы вопросов: «об истине природы» и «о природе истины»⁴⁷) и др. В частности, невозможно говорить о теологическом контексте вообще, не уточняя, о чем конкретно идет речь. В силу исторического многообразия, а зачастую и несовместимости позиций разных групп теологов, церковная традиция выявляет полифоническую природу, причем разделительные линии в богословских дискуссиях далеко не всегда отвечали демаркации католических орденов (не говоря уже о конфессиональной раздробленности Европы). Даже члены одного и того же религиозного ордена могли придерживаться совершенно разных взглядов, скажем, в вопросе о статусе коперниканства и характере отношений между теологией и натурфилософией (или, как принято говорить, между религией и наукой)⁴⁸. Все это открывает широкие возможности для исторических реконструкций (хотя, разумеется, многого мы уже не узнаем никогда). И на фоне этих возможностей, реализуемых разными исследователями по-разному, «одноточные» (термин Г. Померанца) «реконструкции» типа той, что предложена в статье Девятовой и Купцова, выглядят убогим анахронизмом.

«Нет у их, и все разрешено»

Я перечислил выше далеко не все ошибки и неточности авторов и следы небрежной редакторской работы. Предвижу контраргументы (и со стороны авторов, и со стороны редакции) как минимум троякого рода:

- мы не историки и потому опирались на авторитетные источники и т. д.;
- наша цель состояла не в изложении исторических деталей, а в том, чтобы показать драматизм «противостояния Католической церкви и астрономии» (97) и далее пафос (о величии разума и т. п.), а толковать события можно по-разному;
- а еще у нас было мало места, а то бы мы... и т. д.

Заранее ответу на эти и прочие возможные возражения только одним тезисом: ошибиться может каждый, ошибки можно найти даже у очень эрудированных и глубоких авторов (правда, не в каждом абзаце!) и то, что в статье Девятовой и Купцова много ошибок – это, конечно, плохо, очень плохо, но не порочно. Порок в другом – авторы решили, что они могут писать в профессиональном академическом журнале о том, чем они *профессионально*, в

рии, оказал мощное психологическое воздействие на верховного понтифика, человека нервного, впечатлительного, упрямого, крайне чувствительного к обидам и мстительного. Находясь в начале 1630-х гг. в состоянии практически постоянного стресса, Урбан был склонен к жестким и подчас импульсивным решениям.

⁴⁷ *Gingerich, O. The Galileo Affair // Scientific American. 1982. № 8. P. 133.*

⁴⁸ Более детально эти вопросы были рассмотрены в моей монографии: *Дмитриев И. С. Увещание Галилея. СПб., 2006*, а также в моей книге «Упрямый Галилей», которая в настоящее время готовится к печати.

соответствии с жесткими академическими стандартами, никогда не занимались, более того, они даже бегло не прочитали *русский* перевод «Звездного вестника», ибо в противном случае не писали бы, будто Галилей рассказал там об открытиях фаз Венеры и солнечных пятен (с. 89). Поэтому возможное возражение, что, мол, могут быть разные интерпретации исторических событий, в данном случае неуместно, поскольку речь идет не о различиях в интерпретации, а о владении или невладении интерпретируемым материалом. Когда люди пишут о том, чего толком не знают и не понимают, это не только вопрос падения профессионализма и престижа, это еще и вопрос этический, ибо их статья написана не для читателей гламурного журнала, публикация же подобных опусов в академическом издании в итоге означает поддержку того, что социологи называют механизмом понижающей селекции в российском обществе и без того не избалованном в последние десятилетия чрезмерным профессионализмом. Я не могу представить, чтобы такая статья была опубликована при жизни М. К. Петрова, Б. Г. Кузнецова, И. Н. Веселовского, И. Б. Погребысского или В. П. Зубова, но... как сказал поэт, «нету их, и все разрешено».